

Цай Байвэнь и Чэн Ин влюбились друг друга в юном возрасте.

У них была своего рода очень невинная школьная любовь. Они очень сдержанные и осторожные в своих чувствах друг к другу, и никогда даже не держась за руки, но, когда их отношения разорвали их родители, героев ждал раунд за раундом цикл психических пыток.

— Куда вы меня ведете! — Чэн Ин в ужасе вырывался из рук учителя-мужчины, но в следующую секунду его крепко обняла мать.

— Чэн Ин, Чэн Ин, будь послушен, тебе всего лишь нужно пройти небольшую проверку... — плача, сказала его мать, и ее руки слегка дрожали. В то время медицина и образование были слабо развиты, к тому же выявили случаи заражения СПИДом в Китае, что вызвало много паники. В обществе стало популярно утверждение, что более 90% геев болеют СПИДом.

Доктор в белом халате посмотрел на красивое лицо Чэн Ина задумчивым взглядом, и его тон голоса был холодным и циничным:

— Он прикасался к тебе снизу?

Кровь Чэн Ина забурлила, и он сердито сказал:

— О чем вы говорите! Держите рот в чистоте! У меня с ним ничего не было!

Доктор засмеялся:

— Бесплезно злиться, лучше рассказать всё начистоту, иначе пострадаешь ты сам. Мальчики твоего возраста чаще всего совершают импульсивные поступки, вот уж действительно, безрассудные.

В лечебном кабинете стоял шум и гам.

Страх, отвращение, неверие.

Чэн Ин посмотрел на лица своих родителей, учителей и всех этих людей, и вдруг почувствовал себя крайне странно. Он испугался. Он хотел сбежать из этого места, но под контролем нескольких взрослых, осмотр завершили насильно.

Несколько дней спустя семья Чэн вернулась домой с отчетом о медицинском освидетельствовании и большой камень с их сердец, наконец, был снят.

Как только он вернулся домой, Чэн Ин сразу получил пощечину, которая застала его врасплох.

— Встань на колени! — величественно произнёс его отец.

У Чэн Ина был явный отпечаток пощечины на лице, но он не встал на колени, а во взгляде его глаз читались обида и упрямство.

— Встань на колени! — повторил отец подошел сзади и ударил ногой по колену Чэн Ина, наконец сломив его высокомерную позу.

— Ты знаешь, в чём твоя ошибка?

— Я не ошибался!

— Ты не ошибался?! Тебе нравятся мужчины! Выйди на улицу и небрежно спроси любого мальчика, кто ответит, что ему не нравятся девушки? Разве ты не болен, да ещё и не признаешь, что совершил ошибку? — отец Чэн снял плетку, висевшую на стене, и со злобой хлестнул Чэн Ина: — Будешь дальше упрямитесь?! Будешь дальше упираться?!

Чэн Ин терпел это молча, не говоря ни слова.

Мать Чэн Ина не могла больше этого выносить, она оттолкнула мужа и тепло сказала:

— Чэн Ин, ты должен признать свою неправоту перед отцом. Кто не совершал ошибок в молодости? Если ты готов исправить их, ты все еще останешься хорошим сыном для своих родителей.

Чэн Ин холодно усмехнулся:

— Разве мой брат не единственный хороший сын мамы и папы?

Его отец пришёл в ярость:

— Ты все еще смеешь перечить? Я думаю, ты не согласен! Если я не буду бить тебя, пока ты не станешь послушным, меня зовут не Чэн!

Все зрители в зале затаили дыхание.

Если это обычная аудитория, то в большинстве случаев они будут обращать внимание только на то, как актеры погружаются в свои роли. Когда они смотрят фильм в первый раз, за исключением сюжета, другим вещам трудно оставить впечатление в их сознании.

Но те, кто могут прийти на премьеру, зачастую не простые зрители.

Среди них много профессиональных кинокритиков.

Они смотрят фильм с гораздо более внимательной и сложной точки зрения, чем у массового зрителя.

Например, обращают внимание на цвет, фактуру кадров, ритм сцен.

Какое здесь, актерское мастерство.

Они увидели слегка подергивающиеся мышцы на лице Чэн Ина, как надувались и опадали у него щёки. Все чувствовали, что он был на грани взрыва. Они больше беспокоились о Чжоу Юйхэ, чем о последовавшей за этим хаотичной киносцене.

Когда речь идет об изображении такого вида ярости, большинство молодых актеров играли чрезмерно. Чтобы выразить испытываемый ими крайний гнев, они кричали, таращили глаза, разбивали вещи, теряя контроль над своим телом.

Хотя кинокритики знали, что у Чжоу Юйхэ хорошие актерские способности, в конце концов, он был слишком молод, и это была такая чрезвычайно унижительная сцена, что даже люди, наблюдавшие за ней, не могли сдержать злости. Что уж говорить о нём самом?

Ни в коем случае не переусердствуй, не надо...

С другой стороны, посмотрев вот так на отца, Чэн Ин на экране быстро отвел взгляд, его голос дрожал от гнева, и эта дрожь была смешана с депрессией, нежеланием и ревностью:

— Разве это не так?

Большой камень, который давил на сердца кинокритиков, укатился прочь. Чжоу Юйхэ справился, он контролировал ситуацию!

Чэн Ин продолжил:

— С самого детства вы хотели, чтобы я походил на моего брата. Я делал все, что он сделал ранее. Он староста класса, и я также должен баллотироваться на этот пост. Он первый в городе по чтению на английском языке, и вы также заставили меня ходить на занятия по английскому языку; его приняли в Фуданьский университет, и я отправлюсь в Чжэцзянский университет. Я хотел, но не смог посещать культурный класс, потому что вы заставили меня научиться играть на фортепиано... В ваших сердцах я никто по сравнению со старшим братом, я просто его придаток!

— Ты говоришь ерунду! — отец Чэн Ина был так зол, что потерял дар речи.

— Я сказал что-то неправильно? Разве вы с мамой решили меня завести не для того, чтобы

обеспечить моего брата донорским костным мозгом... — глаза Чэн Ина были полны слез, и сложные эмоции в его взгляде поразили сердца присутствующих, заставляя их биться быстрее.

Отец Чэн Ина был шокирован на мгновение, а затем посмотрел на его мать:

— Ты сказала ему?

Глаза матери Чэн Ина замерцали.

Отец Чэн Ина открыл рот и сухо сказал:

— В конце концов, мы не забрали твой костный мозг...

— Это потому, что он не подошёл? А если бы наоборот? Каким бы я был сейчас! Вы всегда видели только моего брата, вы думали обо мне?! Я живой человек, я не контейнер! — закричал Чэн Ин, и слезы покатались из его глаз по бледным щекам и челюсти. Очень жалкое зрелище.

Глаза матери Чэн Ина также наполнились слезами, она обняла его и с сожалением сказала:

— Нет, нет, хороший мальчик. Ты также есть в сердце мамы и папы...

Отец Чэн Ина задрожал и сел на стул, он вздохнул и как будто сильно постарел в одно мгновение:

— Не спорю, допустим, даже если твоя мать и я завели тебя, чтобы вылечить твоего брата, но мы все равно потратили сотни тысяч на костный мозг другого человека, не желая трогать тебя. Спроси у своей совести, в эти годы, мы с мамой, и твой брат, не считая того, что к тебе

относились чуть строже, разве мы плохо с тобой обращались? По сравнению с твоим братом, тебе давали меньше одежды или хуже кормили?

— Если это так, и ты все еще не можешь простить меня, тогда это старик здесь сегодня для этой семьи, может поступить только так... — сказав это отец Чэн Ина, встал со стула и хотел опуститься перед ним на колени.

— Папа!

— Старый Чэн!

Мать и сын одновременно сделали шаг вперед, чтобы поддержать мужчину.

Отец Чэн Ина крепко держал тыльную сторону руки сына, в его мутных глазах заблестели слезы:

— Умоляю тебя, умоляю тебя, Чэн Ин, ты не можешь быть с этим своим одноклассником...

— Почему? — снова спросил Чэн Ин. — Почему? Мой брат уже есть у вас, он поступил в университет Фудань...

Почему... Я не могу пожить немного для себя?

— Из-за того, что твой брат... он не может иметь детей! Если ты не женишься, наша семья Чэн исчезнет!

Тело Чэн Ин покачнулось, он отпустил руку отца и осел на пол, настолько потрясенный, что забыл плакать:

— Я не верю...

Его мать подтвердила:

— То, что сказал твой отец, правда.

— Я не верю вам!

— Ты также знаешь, что у твоего брата с детства плохое здоровье. Мы никогда не говорили с тобой по этому поводу, думая, что ты еще молод, к тому же, я боялась, что это заденет самооценку твоего брата, если ты узнаешь об этом. Чэн Ин, мама обещает тебе, что если ты не хочешь идти в университет, то мы не будем тебя заставлять. Если ты не хочешь учиться игре на фортепиано, то твои родители позволят тебе учиться всему, чему ты хочешь. Мы все можем оплатить. Мы только умоляем тебя, ты должен жениться... — плачущий голос его матери эхом отдавался в воздухе, а барабанные перепонки Чэн Ина, казалось, были отделены от мира стеклянными стенами, и в его голове раздавалось гудение.

Небо закрутилось, и земля завертелась.

(п.п. □□□□ небо закрутилось, и земля завертелась. Образное значение: голова идет кругом, всё вертится перед глазами, головокружение)

Но он не мог понять и половины наставления.

С тех пор отношение Чэн Ина к Цай Байвэню резко изменилось: хотя они учились в одной школе, но больше даже не здоровались при встрече. Цай Байвэню было больно, но он мог только уважать выбор Чэн Ина. Он думал, что пока будет наблюдать на расстоянии, то будет доволен и этим, даже если они не будут вместе. Кто же знал, что Чэн Ину скоро придётся перевестись в другую школу...

Цай Байвэнь воспользовался уроком физкультуры Чэн Ина и затащил его за библиотеку, преграждая путь.

Чэн Ин был потрясен:

— Что ты делаешь?

Цай Байвэнь холодно улыбнулся:

— Как долго ты будешь прятаться от меня?

Чэн Ин отвел взгляд:

— Я не прятался от тебя.

Цай Байвэнь:

— Не прячешься? Ты даже не читаешь больше мои письма, и ты не прячешься?

Чэн Ин потерял дар речи.

Цай Байвэнь увидел, как его любимый человек похудел всего за несколько дней, и его гнев внезапно утих, а неопишуемая грусть наводнила его душу.

С разбитым сердцем, так холодно.

Цай Байвэнь набрался решимости и повернулся, чтобы покинуть это место:

— Не переводись из школы, это я должен уйти.

Чэн Янь быстро схватил его:

— Не будь импульсивным!

Цай Байвэнь пристально посмотрел на него и уверенно сказал:

— Ты беспокоишься обо мне, Чэн Ин. Ты до сих пор лжешь себе? В твоём сердце всё ещё есть чувства ко мне.

Что с того, что они все еще были там?

Лицо Чэн Ина стало еще бледнее.

Цвет его лица прозрачно-белый, а в глазах глубокая печаль, которую невозможно было растопить, но от этого они стали еще более яркими.

Явно нерешительное выражение лица Чэн Ина заставило сердце Цяй Байвэня учащенно биться.

У мальчиков этого возраста всегда есть какие-то импульсивные и нереалистичные идеи. Любовь в это время часто похожа на цунами, которое может смыть все.

Он крепко схватил Чэн Ина за руку.

Мальчик, который не боялся ни неба, ни земли, казалось, исчерпал все свое мужество, прежде чем сказал хриплым голосом:

— Давай уедем, Чэн Ин.

Чэн Ин был ошеломлен на мгновение и удивленно спросил:

— Что ты сказал?

Он поспешно попытался выдернуть свою ладонь из руки Цяй Байвэня, но тот не позволил ему добиться успеха.

Он облизнул пересохшие губы, и после того, как самые трудные слова были произнесены, остальные мысли полились естественным потоком:

— Если мы уедем, это не значит, что мы никогда не вернемся. Мы можем пожить несколько лет в других провинциях, чтобы прошло достаточно времени. Они сейчас просто слишком остро реагируют, а когда пройдет больше времени, наши родители поймут, что мы сейчас не шутим. Они постепенно примут нас, и тогда мы вернемся.

Чэн Ин явно был тронут этими словами, он смотрел на искреннее выражение лица Цая Байвэня, и в его глазах отражались борьба и замешательство.

— Или ты боишься перенести трудности, если останешься со мной?

— Конечно, я не боюсь! — быстро возразил Чэн Ин. — Просто...

Просто есть некоторые вещи о моей семье, о которых ты не знаешь.

Но он не произнёс эту фразу в слух.

Он знал, кто такой Цай Байвэнь, и, если он расскажет о ситуации в своей семье, тот никогда не стал бы усложнять ему жизнь. Но Чэн Ин боялся, что тот не просто не поставит его в неловкое положение, а того, что тогда они вдвоем... действительно оставят все как есть.

Он был не в состоянии отпустить.

Ему действительно было очень тяжело расстаться с ним.

Когда Чэн Ин окончательно запутался, снаружи раздался внезапный звук шагов, Цай Байвэнь понял, что кто-то скоро придет сюда и может увидеть их двоих вместе. Он не знал, какие слухи появятся после этого, поэтому поспешно сказал:

— Я не буду тебя заставлять, хорошенько подумай об этом сегодня. Я буду ждать тебя на Тяньхун завтра в восемь часов вечера, до встречи.

Тяньхун один из автовокзалов с самым большим потоком людей в их городе.

Сразу же после этого Чэн Ин попал в теплые и крепкие объятия.

Цай Байвэнь энергично обхватил его, а затем, пока не появились другие люди, поспешно ушел.

Чэн Ин посмотрел ему вслед и погрузился в глубокую задумчивость.

Ветер ранней весны, окутанный неугомонностью юности и наивными клятвами, обдувал чью-то душу.

На обратном пути сердце Цая Байвэня все еще бешено билось. Он чувствовал себя героем, как будто совершил величайшее дело в своей жизни.

У Цай Байвэня хорошее социальное происхождение семьи, поколение его деда было связано с революционной деятельностью, отец обладал необычайным влиянием в официальных кругах

города. Двоюродные дяди все также драконы и фениксы среди людей, их бизнес процветал, и они хорошо зарабатывали.

Можно сказать, что он с детства никогда не терпел никаких неудач.

Никто не смел не так смотреть на него и «расстраивать» его.

Даже если его роман с Чэн Ином будет раскрыт, в его понимании это не было большой проблемой. В худшем случае это было бы просто его избиением со стороны его отца и деда, поэтому он был невозмутимым и не принимал это близко к сердцу.

Однако молодому мастеру Цай, который был рожден, как баловень судьбы.

Вскоре предстояло попробовать истинный вкус неудачи.

Чэн Ин не пришел.

В условленное время и в оговоренном месте дул холодный ветер. Цай Байвэнь простоял всю ночь, фантазируя как они вдвоём будут жить в будущем. Он улыбался, хотя его руки и ноги дрожали от холода. Он простоял до рассвета, но Чэн Ин не пришел.

Рассвет.

Солнце освещало Цая Байвэня, даря тепло, и его тело наконец перестало дрожать.

Только на сердце было очень холодно.

И удар любви — это только начало.

Вскоре его отец подвергся ругани в коридорах власти. Дяди, которые изначально были внимательны и восторгались им, казалось, изменили свою личности за одну ночь и прекратили общаться, делая вид, что незнакомы с ним. Ошибки, допущенные дедушкой на поле боя, также были замечены политическими противниками...

Цай Байвэнь выдержал беспрецедентное давление, чтобы сдать вступительные экзамены в университет, но в конце концов ему пришлось столкнуться с ситуацией, когда его семья не могла позволить себе платить за обучение.

Любовь, семейное положение, учеба... Молодой мастер Цай, любимчик судьбы, вся аура вокруг его тела была безжалостно забрана реальностью. Он превратился в Цай Байвэня, у которого ничего не было.

Иногда он даже завидовал трусливому Чэн Ину.

Пока ты убегаешь, пока ты отступаешь назад, привычную жизнь всегда можно продолжать.

Но он не мог вернуться.

Если же говорить о ненависти, то нет, он не ненавидел Чэн Ина.

Посмотрите, как он выглядит сейчас: без фона семьи Цай, без денег, без образования, как ему так трудно жить достойно. Если бы они все еще были вместе в это время... Он действительно не смел думать об этом.

Возможно, выбор Чэн Ина был правильным.

Такова реальность.

Цай Байвэнь, потерпевший поражение с поступлением в университет, решил начать свой бизнес на небольшие деньги, оставшиеся у его семьи. Но кажется, что вся его удача была израсходована за предыдущие десять лет. О потере всех заработанных денег нечего было и говорить, и последняя крупица его амбиций тоже была отобрана начисто.

На самом деле, для молодых людей неудачи в предпринимательстве вполне нормальны. Способности Цай Байвэня не плохие, ему просто не повезло. Пока он готов работать, рано или поздно праздник придёт и на его улицу.

Но он устал.

Не каждый может позволить себе долго терпеть неудачи, особенно Цай Байвэнь, который

раньше жил очень легкой жизнью. Последовательные неудачи оказались для него более фатальны.

В конце концов, он отказался от этих нереалистичных ожиданий, занял 5000 юаней у своего двоюродного дяди и открыл небольшой магазин недалеко от своего дома...

Он смирился со своей судьбой.

Принял, что он не герой, и должен жить судьбой обычного человека.

Время от времени до него доходили слухи о Чэн Ине.

В сопровождении отца и брата, жизнь у того проходила благополучно.

Он устроился работать на хорошее место, нашел отличную жену и через несколько лет у них родился большой толстый мальчик.

Цай Байвэнь иногда думал, что если однажды он встретит его на улице, то увидит энергичного Чэн Ина.

До того дня пока Чэн Ин не зашел в его магазинчик...

По нему было видно, что он пережил сильные жизненные бури раз стал таким посредственным, нудным, трусливым и заискивающимся. К тому же он слегка хромал при ходьбе, ясно, что с одной его ногой что-то не в порядке.

Неужели это тот самый человек, которым он восхищался всю свою юность?

Самое смешное, что Чэн Ин стал таким невзрачным, но он все равно узнал его с первого взгляда.

Что еще более нелепо, так это то, что Чэн Ин, неприметный, но, по крайней мере, имеющий благополучную семью, на самом деле снова влюбился в него.

Возможно, это было незаконченное наваждение с их юности. По крайней мере, Цай Байвэнь считал, что в нем самом сейчас нет ничего такого, что могло бы привлечь Чэн Ина.

Однако он не отверг Чэн Ина.

Он не знал, из-за каких побуждений делал это. Может быть, дело в том, что его оцепенелая и спокойная жизнь нуждалась в разнообразии, или, может быть, у него в душе также остались следы обиды и негодования по поводу их несовершенных отношений... В итоге, Цай Байвэнь не отверг его.

Но Чэн Ин, казалось, все глубже и глубже завязал в этом.

Время, на которое он оставался с ним, становилось все дольше и длиннее, и постепенно Чэн Ин начал бурно реагировать на расспросы жены. Хотя Цай Байвэнь и сожалел, он не мог разорвать эти отношения.

Потому что это то, что Чэн Ин был ему должен.

Он думал, что эти постыдные отношения с Чэн Ином продлятся до тех пор, пока он сам больше не сможет этого выносить, но Чэн Ин был тем, кто не выдержал первым.

Той ночью шёл интенсивный дождь. После того, как и между ними двумя прошли тучи и дождь, Чэн Ин, распластавшись, лежал на кровати, в изумлении глядя на темную ночь за окном.

(п.п. 1) тучи и дождь; 2) переносное значение: милости, благодеяния, 3) переносное значение в книгах: половая связь, половой акт; заниматься любовью)

Цай Байвэнь поцеловал его в макушку, его хриплый голос звучал в темноте очень сексуально:

— На что ты смотришь?

— Ш-ш, не издавай ни звука, — глаза Чэн Ина загорелись непередаваемым восторгом. Он повернул голову и искренне смотрел на темные облака по диагонали вверх.

Цай Байвэню пришлось ждать вместе с ним.

После некоторого ожидания луна выглянула из-за темных облаков, словно подавая сигнал.

Молодой человек, который долго колебался, казалось, наконец принял решение. Он повернул голову и сказал Цай Байвэню:

— Поехали?

Цай Байвэнь был ошеломлен:

— Куда?

У Чэн Ина дернулись уголки рта, и он показал бледную улыбку:

— Можно поехать куда угодно. Главное, мы можем вместе уйти отсюда, Байвэнь? Только когда я с тобой, я чувствую себя счастливым.

Только тогда я чувствую, что я живу, как человек.

Очевидно, что у него уже не молодое лицо, но Цай Байвэнь вспомнил наивного и нежного Чэн Ина, стоящего в том году под вишневым деревом.

Хотя он уже не молод и не импульсивен, Чэн Ин такой...

Он все еще не мог отказать ему.

Казалось, он никогда не сможет отвергнуть этого человека.

Просто делай, как он говорит.

Когда они приехали на вокзал, было уже за полночь. Покупая билет, Чэн Ин понял, что у него нет с собой удостоверения личности, поэтому сказал Цай Байвэню, что он должен вернуться и забрать его.

Он попросил его обязательно дождаться его.

Сказав это, он развернулся и быстро пошел прочь. Он шел слишком быстро, и хромота, которую обычно он хорошо скрывал, снова была продемонстрирована, придавая всему его облику немного комичный вид.

Что за шутка.

Цай Байвэнь открыл рот, и в его сердце зародилось дурное предчувствие.

Но, в итоге он ничего не сказал.

Просто молча наблюдал, как Чэн Ин исчезает в темноте.

Затем наступил рассвет.

Пятнадцать лет назад Цай Байвэнь не дождался Чэн Ина перед вокзалом.

Пятнадцать лет спустя, он так и не смог этого сделать.

Именно он предложил уехать вместе, и именно он не пришел в конце.

Честно говоря.

Это как наблюдать за непостоянством в жизни.

Цай Байвэнь оцепенел.

Но единственное, чего он не ожидал, так этого.

На этот раз он не только не дождался Чэн Ина на вокзале.

Он никогда больше не дожждётся и в этой жизни.

В финале истории, через два месяца после смерти Чэн Ина полицейский Жун Цзяфу, расследование которого — это связующая нить фильма, приходит в магазинчик Цай Байвэня.

Он отвел его в ближайший ресторан «Северные пельмени».

Напротив него сидел Цай Байвэнь, лет тридцати с небольшим, со смуглым цветом лица, с бесчувственными глазами без яркого блеска, очень обычный и скучный человек.

— Господин полицейский, вам что-то от меня нужно? — спросил Цай Байвэнь.

— Да, я здесь по вопросу Чэн Ина.

— Ну, говорите, — сказал Цай Байвэнь, бессознательно взглянув на часы в ресторане, как будто он готовился выслушать какую-то не относящуюся к делу историю, а потом сразу вернуться, чтобы охранять свой магазин.

Жун Цзяфу посмотрел на него вот такого и вспомнил, что Цай Байвэнь был слишком спокоен и хладнокровен в течение всего процесса ведения дела.

Поэтому он несколько сопротивлялся тому, что собирался сказать дальше.

Жун Цзяфу коснулся своего кармана.

И наконец всё-таки решил сказать ему правду.

Он достал из кармана две старые пожелтевшие фотографии и пододвинул их Цай Байвэню.

Источник фотографии больше недоступен, и содержание на фотографиях также расплывчато, можно только смутно разглядеть, что есть два вокзала, на которых написано слово «Тяньхун».

Цай Байвэнь опустил взгляд.

Когда он увидел, что изображено на этих двух фотографиях, он застыл на мгновение.

Словно в страхе, он не поднял две фотографии со стола, чтобы разглядеть их получше, а просто смотрел на них так.

В душе у него уже возникло смутное предчувствие и тревога о том, что он услышит дальше.

— Ты должен знать, что у Чэн Ина была проблема с ногой, верно?

— ... Я знаю.

— Тогда ты хочешь знать, почему?

Цай Байвэнь внезапно посмотрел на Жун Цзяфу и в глубине его глаз был неопиcуемый страх.

Он боялся, что та правда, которую он услышит сейчас, совсем не будет похожа на то, что он всегда думал.

Голос Жун Цзяфу был очень ровным и пронизанным сострадательной грустью:

— Оба эти автовокзала называются «Тяньхун». Один старый, который был отремонтирован ещё до освобождения, но в 1982 году он почти не открывался для движения, а другой был отремонтирован в 1983 году — новый вокзал.

(п.п. □□□ до освобождения. Исторический период до провозглашения КНР в 1949 году)

— Вы с Чэн Ином — два человека, живущих в разных концах города, один на юге, а другой на севере. Твой отец отвечал за проект новой станции, поэтому ты не обратил внимания, что вы были первыми горожанами, которые узнали, что новая станция открыта для движения, но Чэн Ин не знал этого. Старый же вокзал находился сразу за его домом, и до него было идти всего три улицы.

— Он тогда прождал тебя на старом вокзале всю ночь, но ты так и не пришел. На рассвете его отец собрал группу соседей, чтобы с бранью и побоями увести его. Он потащил его домой, но Чэн Ин отказывался идти. Он плакал и говорил, что хочет подождать тебя. В конце концов, отец сломал ему ногу, чтобы вернуть домой.

— ... Чэн Ин никогда тебя не предавал.

Каждый раз, когда Жун Цзяфу произносил слово, сердце Цай Байвэня словно били молотом.

В итоге ему даже дышать стало больно.

Дело не в том, что Чэн Ин не приходил пятнадцать лет назад.

Дело в том, что он сам не пришел...

Уголки рта Цай Байвэня постепенно стали дергаться, а маска на его лице, которая использовалась, чтобы сопротивляться жизненным неурядицам, начала медленно трескаться.

И наконец, бац, разбилась.

Он дотронулся до двух фотографий дрожащими руками, его лицо постепенно искажалось, как будто он хотел плакать, но также и как будто он хотел смеяться.

Лицо Чэн Ин медленно появилось перед глазами Цая Байвэня на этих двух старых фотографиях с вокзалов.

Кажется, что на обеих фотографиях Чэн Ин стоит под знаком «автобусной остановки» и с одинаковой улыбкой ждет его.

Этот трус Чэн Ин за всю свою жизнь.

Лишь дважды набрался смелости.

И все из-за него.

Цай Байвэня.

На шестьдесят седьмой день после смерти Чэн Ина.

Цай Байвэнь, который до этого не проронил ни одной слезинки, наконец горько расплакался.

<http://bllate.org/book/13305/1183723>